Газонокосильщик (сборник)

Автор:
Стивен Кинг

Газонокосильщик (сборник)

Стивен Кинг

Вы решились пуститься в странствие по закоулкам кошмаров, таящихся за гранью реальности, и эта книга – ваш путеводитель по миру, населенному кромешным ужасом.

За поворотом дороги – маленький городок, где дети из чудовищной секты убивают всех, достигших «возраста искупления» – девятнадцати лет. Так чтят они Божье Слово…

Новый поворот – и трижды раскаются те, кто столкнется со слабоумным Газонокосильщиком. Потому что в глубинах его изломанной души таится Смерть…

И опять дорога делает поворот – в школу возвращаются мертвые, возвращаются с жаждой нести гибель живым. И надо продать душу дьяволу, чтобы дьявола победить…

Стивен Кинг

Газонокосильщик (сборник)

Я – дверь отверстая

[1 - Am the Doorway. © 2011. А. Аракелов. Перевод с английского.]

Мы с Ричардом сидели на крыльце, любовались песчаными дюнами и Мексиканским заливом за ними. Дым сигары Ричарда лениво клубился, держа комаров на почтительном расстоянии. Океан на горизонте отдавал прохладной зеленью, а небо над ним было глубокого синего цвета. Красиво, что и говорить.

– Так ты, значит, дверь, – задумчиво повторил Ричард. – Ты уверен, что это тебе не приснилось? Что ты действительно убил того мальчишку?

– Не приснилось. И я его не убивал, говорю же. Это все они. Я лишь дверь.

Ричард вздохнул.

– Ты его похоронил?

– Да.

– Место помнить?

– Да.

Я достал сигарету из кармана рубашки. Перебинтованные руки слушались плохо. И чесались немилосердно.

– Если захочешь посмотреть, придется брать твой пескоход. Это, – я кивнул на свою инвалидную коляску, – по песку не ездит.

У Ричарда был багги для передвижения по дюнам – переделанный «фольксваген-жук» 1959 года с полуметровыми колесами. Он собирал на нем плавник – деревянные обломки, вынесенные волнами на берег. С тех пор как Ричард продал свое агентство недвижимости в Мэриленде, он жил тут, на косе Каролина, – делал из плавника скульптуры и по безбожной цене загонял их туристам.

Он пыхнул сигарой и посмотрел на залив.

– Да уж. Расскажи все сначала.

Я вздохнул и попытался закурить. Ричард отобрал у меня спички и зажег сигарету. Я сделал две глубокие затяжки. Пальцы нестерпимо чесались.

– Хорошо, – кивнул я. – Вчера, часов в семь вечера, я был на пляже, смотрел на залив, курил, как сейчас, и тут…

– Нет, начни сначала.

– Сначала?

– Расскажи о полете.

Я покачал головой:

– Ричард, ну сколько можно? Ничего нового…

Испещренное глубокими морщинами лицо Ричарда было загадочным, как его скульптуры.

– Может, ты вспомнишь что-то еще, – сказал он. – Сейчас точно вспомнить.

– Ты серьезно?

– Конечно. А когда закончишь, поищем могилу.

– Могила… – повторил я. Пустое, гулкое слово – темное, темнее даже того безбрежного пространства, которое мы с Кори пересекли пять лет назад. Тьма, тьма, тьма.

Мои новые глаза под повязками слепо таращились в темень стягивавших их бинтов. Они ужасно чесались.

На орбиту нас с Кори зашвырнула ракета «Сатурн-16». Кто-то из комментаторов окрестил ее Ракетой-Небоскребом. Здоровенная была дура, ничего не скажешь. Рядом с ней первые «Сатурны» казались детскими игрушками. Стартовую площадку пришлось заглубить на шестьдесят метров – иначе сдуло бы в океан половину мыса Кеннеди.

Мы сделали оборот вокруг Земли, проверили все системы, потом включили разгонный блок. Направление – Венера. На Земле остался сенат, в котором шла драка по поводу ассигнований на исследование космоса, и группа людей из НАСА, молившихся, чтобы мы нашли хоть что-то полезное. Что угодно.

– Не важно что, – каждый раз говорил после пары стаканов Дон Ловинджер, штатный умник проекта «Зевс». – В вашем распоряжении куча приборов, пять роскошных телекамер и маленький, но крутой телескоп с хреновой тучей всяких там фильтров и линз. Найдите золото, найдите платину. А еще лучше – найдите каких-нибудь милых, туповатых синих человечков, чтобы мы их изучали, ощущая свое превосходство. Хоть что-нибудь! Да хоть призрак Пиноккио – уже дело.

Мы с Кори, разумеется, горели желанием сделать все, что в наших силах. Но космическая программа никак не шла. Начиная с Бормана, Андерса и Ловелла, облетевших в 1968 году Луну и увидевших пустынный зловещий мир, похожий на грязный песчаный пляж, и заканчивая Маркэном и Джексом, которые опустились на поверхность Марса одиннадцать лет спустя – лишь для того, чтобы обнаружить мерзлую пустыню и пару полудохлых лишайников, – исследование космоса оказалось поистине грандиозным (и очень дорогостоящим) провалом. Были и потери: Педерсон и Ледерер, навеки застрявшие на орбите вокруг Солнца из-за отказа всех систем во время предпоследнего полета программы «Аполлон». Джон Дэвис, маленькую орбитальную обсерваторию которого прошил метеорит, использовавший свою редкую, один к миллиону, вероятность. Нет, эту программу вряд ли кто-то назвал бы удачной. На самом деле Венера оставалась последним шансом швырнуть миру в лицо сакраментальное «Мы же вам говорили!».

Шел шестнадцатый день полета – мы ели консервы, играли в карты, успели простудиться и выздороветь – с технической точки зрения все было тип-топ. На третий день у нас накрылся конденсатор влаги, мы перешли на запасной – и все, практически никаких проблем до самого возвращения на Землю. Мы наблюдали, как Венера в иллюминаторе вырастала от яркой точки до белесого хрустального шара, обменивались шутками с ЦУПом, слушали записи Вагнера и «битлов»,

контролировали результаты экспериментов: от измерения солнечного ветра до навигации в глубоком космосе. Нам пришлось дважды микроскопически корректировать курс, а на девятый день полета Кори выбрался в открытый космос и пинал УНА, пока она не соизволила раскрыться. Больше ничего из ряда вон выходящего.

– УНА? – переспросил Ричард. – Что это?

– Неудачный эксперимент. Так мы в НАСА называли Узконаправленную Антенну – она передавала число «Пи» высокочастотными импульсами всем, кто захотел бы услышать.

Я потер руки об штаны, но это не помогло. Наоборот, стало хуже.

– Идея та же, что и с радиотелескопом в Западной Виргинии – читал, наверное, – она «слушает» звезды. Только мы, вместо приема, передавали сигнал на Юпитер, Сатурн, Уран. Если там и была какая-то разумная жизнь, то как раз в это время она крепко дрыхла.

– В космос выходил только Кори?

– Да. И если он занес внутрь какую-то межзвездную чуму, телеметрия этого не показала.

– И все же…

– Уже не важно, – бросил я раздраженно. – Важно, что происходит здесь и сейчас. Ричард, вчера они убили мальчонку. Зрелище было не из приятных – как и ощущения. Его голова… она взорвалась. Как если бы кто-то выскреб из черепа его мозги и положил вместо них гранату.

– Продолжай.

Я усмехнулся:

– Что еще рассказать? Мы перешли на околопланетную орбиту с сильным эксцентриситетом, от трехсот двадцати до семидесяти шести миль – и это

только на первом витке, дальше апогей стал еще больше, а перигей уменьшился. Можно было сделать не больше четырех витков, мы пошли на максимум. Отлично рассмотрели планету, сделали около шести сотен снимков и собрали бог знает сколько видеоматериалов.

Облачный покров Венеры состоял – в равных частях – из метана, аммиака, пыли и разного летающего дерьма. Вся планета была похожа на Большой Каньон в аэродинамической трубе. Кори посчитал, что у поверхности скорость ветра достигает шестисот миль в час. Посланный вниз зонд бибикал всю дорогу, пока не издал громкий треск и не замолк навсегда. Мы не видели растительности, вообще никаких признаков жизни. Спектроскоп выявил жалкие крохи ценных минералов. Вот вам и Венера. И все бы ничего – только она меня пугала. Мы словно вращались вокруг дома с привидениями в окружении темного вакуума. Я знаю, как это ненаучно звучит, но у меня кишки сводило от страха, пока мы не убрались оттуда. Думаю, если бы двигатель не сработал, я бы перерезал себе глотку. Ничего общего с Луной – та просто пустынная и кажется стерильной. Но то, что мы видели на Венере, не похоже ни на что из того, с чем мы раньше сталкивались. Может, тут дело в облачном покрове, не знаю. Венера похожа на объеденный до кости череп.

На обратном пути мы узнали, что сенат проголосовал за двукратное сокращение бюджета космических программ. Кори сказал что-то вроде: «Арти, похоже, мы снова займемся запуском спутников». А я был почти рад. Может, нам и впрямь не место в космосе.

И вот двенадцать дней спустя Кори был мертв, а я стал калекой. Проблемы начались при сходе с земной орбиты. Парашют сработал нештатно. И смех и грех: мы больше месяца провели в космосе, забрались дальше, чем кто-либо за всю историю человечества, а все пошло прахом из-за того, что какой-то болван торопился на перерыв и перепутал стропы.

Приземление было жестким. Пилот одного из вертолетов потом рассказывал, что мы летели к земле, как гигантский ребенок, за которым тянулась плацента. При ударе я потерял сознание. Потом я узнал, что, когда меня подняли на борт «Портленда», команда даже не успела скатать красную дорожку, по которой мы должны были пройти. Я был весь в крови. Я был краснее, чем дорожка, по которой меня тащили в лазарет…

Два года я провел в военном госпитале в Бетесде. Мне дали орден, много денег и инвалидную коляску. На следующий год я переехал сюда. Люблю смотреть на взлетающие ракеты.

– Я знаю, – сказал Ричард. – Покажи свои руки.

– Нет, – резко ответил я. – Не могу их выпустить. Я же сказал.

– Прошло пять лет. Почему сейчас, Артур? Ты можешь объяснить?

– Я не знаю. Не знаю! Может, это такой инкубационный период. И кто вообще сказал, что я подцепил эту дрянь именно там? Я ведь мог заразиться и в Форт-Лодердейле, и даже на этом самом крыльце, почем мне знать?

Ричард вздохнул и окинул взглядом далекие волны, залитые краснотой заходящего солнца.

– Я очень стараюсь… Артур, мне не хотелось бы думать, что ты сходишь с ума.

– Если очень припрет, я покажу тебе руки, – с трудом выдавил я. – Но только если очень.

Ричард встал и оперся на трость. Он казался старым и немощным.

– Я приведу багги. Съездим, поищем могилу парнишки.

– Спасибо, Ричард.

Он побрел к разбитой грунтовой дороге, что вела к его хижине. Со своего крыльца я видел только ее крышу, остальное заслоняла Большая Дюна, протянувшаяся через всю косу. Небо над океаном приобрело противный фиолетовый оттенок, и откуда-то издалека донесся глухой рокот грозы.

Я не знал, как звали того мальчика, но часто видел, что он бродит по пляжу с ситом под мышкой. Дочерна загорелый, он носил только выцветшие джинсовые шорты. На другом конце косы расположен общественный пляж, и там, просеивая песок, предприимчивый молодой человек в удачный день может набрать до пяти

долларов в мелких монетках. Иногда я махал ему рукой, и он отвечал мне тем же – два незнакомца, объединенные братством постоянных жителей этого побережья, в противоположность крикливым, швыряющимся деньгами туристам, приезжающим на своих «кадиллаках». Я так думаю, он жил в соседней деревеньке, состоявшей из нескольких домов и почты, в полумиле от моей хижины.

Когда он в тот день появился на пляже, я уже где-то с час неподвижно сидел на крыльце и смотрел. К тому моменту я уже снял повязки – пальцы чесались нестерпимо, но зуд немного утихал, если я позволял им смотреть их глазами.

Это чувство ни с чем не сравнимо: я был для них как приоткрытый портал, как окно в мир, который они ненавидели и которого боялись. Но хуже всего было то, что я тоже в этом участвовал. Представьте, что ваше сознание переместили в тело мухи и что муха смотрит на ваше лицо своей тысячей глаз. Так вы, может, поймете, почему я держал свои руки замотанными, даже если никто не мог их увидеть.

Это началось в Майами. У меня там было дело, встреча с неким Крессвеллом, следователем ВМС. Каждый год он проводит очередную проверку – какое-то время я имел доступ к самым важным секретам нашей космической программы. Не знаю, какие признаки сотрудничества с врагом он ищет – бегающие глаза или алую букву на лбу… И зачем мне продаваться? Пенсия у меня просто роскошная, почти неприлично большая.

Мы сидели с ним на балконе в его гостиничном номере, тянули коктейли и рассуждали о будущем американской космической программы. Приблизительно в четвертом часу мои пальцы начали чесаться. Как-то вдруг. Без всякого перехода, будто кто-то щелкнул выключателем. Я сказал об этом Крессвеллу.

– Ты никак влез в ядовитый плющ на этом своем поганом островке? – осклабился тот.

– На Каролине растут только карликовые пальмы, – ответил я. – Может, это семилетняя чесотка.

Я посмотрел на свои руки. Обычные, нормальные руки. Только чешутся.

Чуть позже я подписал все ту же стандартную форму («Я чистосердечно клянусь, что не получал, не передавал и не публиковал информации, которая могла бы…») и поехал домой. У меня старенький «форд», переделанный под ручное управление. Я люблю эту машинку – она дает мне ощущение независимости.

Дорога от Майами неблизкая, и к тому времени как я свернул с шоссе номер 1 на дорогу к косе, руки почти свели меня с ума. Зуд был неимоверный. Если у вас когда-нибудь заживал глубокий порез или шов после хирургической операции, вы можете меня понять. Под моей кожей словно копошилось нечто живое.

Солнце почти село, и мне пришлось рассматривать руки при свете ламп приборной доски. Кончики пальцев покраснели – чуть выше подушечек, там, где у гитаристов образуются мозоли, появились маленькие, четко очерченные кружки. Пятна также появились между первым и вторым суставами каждого пальца и на коже у костяшек. Пальцами правой руки я коснулся своих губ – и тут же с отвращением отдернул руку. Ком душного, мохнатого ужаса подкатил к горлу. Пятнышки были горячими, воспаленными, а плоть под ними казалась мягкой, как подгнившее яблоко.

Всю оставшуюся дорогу до дома я пытался убедить себя, что мне действительно где-то попался ядовитый плющ. Но на задворках сознания уже шевельнулась паршивая мыслишка. Была у меня тетка, которая десять последних лет прожила в изоляции от внешнего мира, в маленькой комнатке на втором этаже. Мать носила ей еду, но говорить об этом не полагалось, даже имя ее было под запретом. Позже я узнал, что у нее была болезнь Хансена – проказа.

Добравшись до дома, я первым делом позвонил доктору Фландерсу. Трубку взял секретарь.

– Доктор Фландерс уехал на рыбалку, но если у вас что-то срочное, доктор Болленджер может…

– Когда он вернется?

– Самое позднее завтра к обеду. Вас это устро…

– Конечно.

Я медленно положил трубку, потом позвонил Ричарду. Прослушал с дюжину долгих гудков, прежде чем дать отбой. Потом я какое-то время просто сидел в растерянности. Зуд усилился. Казалось, он исходил откуда-то из глубины плоти. Я подкатился к книжным полкам и вытащил потертую медицинскую энциклопедию. Описания были до идиотизма расплывчатыми: мои симптомы могли означать что угодно – или не означать ничего. Я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Я слышал, как тикает старый судовой хронометр в другом конце комнаты. Слышал, как очень далеко реактивный лайнер заходил на посадку в аэропорт Майами. И еще – тихий шелест собственного дыхания.

Я по-прежнему смотрел в книгу.

И вдруг я понял. Осознание того, что происходит, буквально обрушилось на меня. Мои глаза были закрыты, но я все еще продолжал видеть. То есть я видел нечто размытое и чудовищное, искаженный четырехмерный образ книги, но соответствие было несомненным.

И я был не единственным, кто это видел.

С замирающим сердцем я открыл глаза. Ужасное ощущение ослабло, но не исчезло. Я видел книгу, видел строки и иллюстрации своими собственными глазами, и в то же время видел их под другим углом, другими глазами. Вернее, не книгу, а странный, чужеродный предмет невероятной формы и, возможно, опасный.

Я медленно поднял руки к лицу, наблюдая, как зловещее новое зрение превращает мою гостиную в комнату страха.

Из груди вырвался крик.

Из щелок на кончиках пальцев на меня таращились глаза. В этот самый момент они раздвигали плоть, упрямо протискиваясь на поверхность.

Но кричал я не из-за этого. Взглянув на собственное лицо, я увидел чудовище.

Багги перевалил через дюну и подкатил к моему крыльцу. Мотор пыхтел и кашлял. Я спустился с крыльца по пандусу, и Ричард помог мне влезть в машину.

– Ну что, Артур, – сказал он, – ты капитан. Указывай курс.

Я показал на участок пляжа, видневшийся между дюнами. Ричард кивнул. Задние колеса выбросили в воздух кучу песка, и мы поехали. Обычно я подкалываю Ричарда насчет его вождения, но сегодня мне было не до того. Слишком многое отвлекало – мысли, ощущения: им не нравилась темнота, они старались выглянуть наружу, сквозь повязки, хотели, чтобы я убрал бинты.

Багги ревел, переваливая через крупные дюны, и подпрыгивал на тех, что помельче. Слева от нас солнце отдавало последний багровый салют. Над морем громоздились мрачнеющие тучи, засверкали первые молнии.

– Бери правее, – сказал я. – Вон к тому шалашу.

Ричард остановил багги у полусгнившего шалаша, подняв песчаный фонтан. Он заглянул в багажник и достал лопату. Увидев ее, я поморщился.

– Где? – ровным голосом спросил Ричард.

Я указал место.

Ричард выбрался из машины, постоял секунду и вонзил лопату в песок. Копал он, казалось, целую вечность. Выброшенный из ямы песок становился все более влажным. Гроза приближалась, облака темнели и поднимались выше. Вода залива стала багровой в лучах заката и в тени нависших туч.

Задолго до того как Ричард перестал копать, я уже понял, что мальчика там нет. Они его перепрятали. Вчера вечером я не замотал руки, они могли видеть и – действовать. Если они воспользовались мной, чтобы убить мальчика, то могли, используя мое тело, перенести его, когда я спал.

– Тут никого нет, Артур. – Ричард закинул грязную лопату в багажник и устало сел в машину. Приближающаяся гроза отбрасывала странные серповидные блики. Ветер царапал песком ржавые бока багги. Пальцы зудели.

– Они – то есть я – его перенесли, – сказал я. – Они берут верх, Ричард. Они открывают дверь. По чуть-чуть, но открывают. Сотни раз в день я вдруг с удивлением осознаю, что стою перед совершенно обычными предметами – совком, фотографией, консервной банкой, – и не понимаю, как я там оказался. Мои руки протянуты вперед, чтобы они разглядели этот предмет… и я тоже вижу его, их глазами… этот невозможный, непотребный образ, изломанный и перекрученный гротеск…

– Артур, – сказал Ричард, – Артур, пожалуйста, не надо. – Он смотрел на меня с сочувствием. – Ты говоришь, что стоял. Что ты перенес тело мальчика. Артур, ты не можешь ходить! Ты парализован ниже пояса. Твои ноги мертвы.

Я коснулся приборной доски багги.

– Эта штука тоже мертва. Но ты, сев в нее, можешь заставить ее двигаться. Можешь заставить ее убивать. Она не способна остановиться, даже если бы захотела. – В моем голосе послышались истерические нотки. – Я же дверь, как ты не понимаешь?! Они убили мальчика, Ричард! Они перенесли тело!

– Наверное, тебе стоит поговорить с врачами, – тихо сказал он. – Поехали домой…

– Узнай! Спроси про мальчика! Выясни…

– Ты же сказал, что тебе не известно, как его звали.

– Он скорее всего жил в деревне. Она небольшая. Спроси…

– Когда я ходил за машиной, то позвонил Мод Харрингтон. У нее самый длинный нос во всем штате, и она постоянно сует его в чужие дела. Я спросил, слышала ли она о пропавшем на днях мальчике. Она ответила, что нет.

– Но он местный. Он живет где-то неподалеку.

Ричард потянулся к ключу зажигания, но я его остановил. Он обернулся ко мне, и я принялся разматывать повязки.

Над заливом грохотал гром.

Я не пошел к врачу и не перезвонил Ричарду. Три недели подряд я бинтовал руки перед выходом из дома. Три недели подряд я просто слепо надеялся, что все пройдет само собой. Никакой логики в этом не было, признаю. Будь я полноценным человеком, которому не нужна вместо ног инвалидная коляска, который ведет нормальную, полноценную жизнь, я бы пошел к доку Фландерсу или к Ричарду. Я бы, наверное, пошел и сейчас, если бы не воспоминания о тетке, упрятанной от посторонних глаз, почти заключенной – о тетке, которую заживо поедала собственная предательская плоть. Поэтому я отчаянно хранил молчание и молился о том, чтобы проснуться однажды утром и понять: все это было лишь страшным сном.

Но мало-помалу я начал ощущать их. Их. Чужое, чуждое сознание. Я даже не задумывался, откуда они взялись или как выглядят. Это некое сообщество, коллективный разум. Я был их дверью, их окном в наш мир. Они пускали меня в свои мысли – ровно настолько, чтобы я смог ощутить их ужас и отвращение, чтобы осознать: наш мир очень сильно отличался от привычного им. Но они все равно смотрели. Их плоть внедрилась в мою. Я начал понимать, что они используют меня, даже управляют мной.

Когда тот мальчишка проходил мимо, привычно махнув мне рукой, я подумывал о том, чтобы позвонить Крессвеллу по служебному номеру. Ричард был прав в одном: я действительно подцепил эту заразу где-то в далеком космосе или на странной венерианской орбите. ВМС будет меня изучать, но там не станут воспринимать меня как чудовище. Мне не придется просыпаться в скрипучей темноте и сдерживать крик, потому что они смотрят, смотрят, смотрят.

Мои руки протянулись в сторону мальчика, и я понял, что забыл их забинтовать. В сгущающихся сумерках я видел глаза, громадные, выпученные, с желтыми кошачьими радужками. Однажды я ткнул в один глаз кончиком карандаша, и руку тотчас пронзила страшная боль. Глаз, казалось, таращился на меня с такой глубокой ненавистью, что физическая боль отошла на второй план. Больше я так не делал.

А теперь глаза смотрели на мальчика. Я почувствовал, как мое сознание словно отбросило в сторону. Я уже не управлял своим телом. Дверь распахнулась. Я

несся к мальчику по песку, нелепо подволакивая ноги, словно это были протезы. Мои собственные глаза, кажется, закрылись, и происходящее я наблюдал при помощи их зрения – отвратительный молочный океан, пурпурное небо над ним. Позади осталась покосившаяся, уродливая хижина, которая могла быть и скелетом неизвестного плотоядного чудища. Передо мной стояло невозможное, отвратительное существо, дышащее и движущееся, и оно несло устройство из дерева и проволоки, переплетенной под невозможными прямыми углами.

Что он подумал, этот несчастный, безымянный мальчишка с ситом под мышкой и карманами, набитыми странной смесью песка и брошенных туристами монет, когда увидел меня, бредущего по песку с простертыми руками, подобно слепому дирижеру, командующему оркестром безумцев? Что он подумал, когда увидел отблеск последнего луча заката на моих руках – красных, сверкающих гроздью глаз? Что он подумал, когда эти руки вдруг взметнулись в воздух в нелепом жесте, за мгновение до того, как его голова взорвалась?

Я знаю только то, о чем думал сам.

Я думал, что заглянул за край Вселенной и увидел адский пламень.

Ветер трепал свободные концы бинтов, как праздничные ленты. Закатные лучи еще пятнали края облаков кровавыми бликами, но дюны уже погрузились в сумрак. Небо над нами бурлило и кипело грозой.

– Только пообещай мне, Ричард, – сказал я, перекрикивая ветер. – Если ты увидишь, что я веду себя… угрожающе, – беги. Ты все понял?

– Да.

Ветер теребил расстегнутый ворот его рубашки. В сумерках глаза Ричарда казались просто темными впадинами на спокойном, уверенном лице.

Я снял последние бинты.

Я смотрел на Ричарда – и они смотрели на Ричарда. Я видел лицо, которое знал уже пять лет, лицо дорогого мне человека. Они видели искаженный, живой монолит.

– Ты видишь их, – хрипло сказал я. – Теперь ты их видишь.

Он невольно отпрянул. Его лицо исказила гримаса ужаса и неверия. Грянула молния. По небу прокатился грохот, а воды океана стали чернее Стикса.

– Артур…

Какой он, оказывается, омерзительный! Как я мог жить по соседству с ним, разговаривать с ним?! Это же не живое существо, это какая-то… инфекция! Это…

– Беги, Ричард! Беги!

И он побежал. Громадными, нелепыми скачками. Он стал силуэтом на фоне сверкающего неба. Мои руки взлетели вверх в каком-то сложном, странном движении, направив пальцы к единственному знакомому и понятному в этом кошмарном мире объекту – к небу, к тучам.

И небо ответило. Колоссальный, иссиня-белый разряд ударил в Ричарда и просто поглотил его. Последнее, что я помню, – электрическая вонь озона и горелого мяса.

Очнулся я, мирно сидя на своем крыльце. Буря закончилась, ветерок нес приятную прохладу. На небе виднелся тонкий молодой серп. Песок на пляже был девственно ровным – ни следа Ричарда и его багги.

Я посмотрел на свои руки. Глаза были открыты, но казались тусклыми и безжизненными. Они утомились. Они спали.

Теперь я отлично знал, что нужно сделать. Прежде чем дверь откроется еще раз, ее нужно закрыть. Навсегда. Я уже начал замечать признаки перерождения самих рук. Пальцы постепенно укорачивались и… менялись.

В гостиной у меня был устроен небольшой камин, который я растапливал зябкой и сырой флоридской зимой. Я спешно разжег огонь – кто знает, когда они решат проснуться?

Когда огонь достаточно разгорелся, я добрался до бака с керосином и намочил обе руки. Они мгновенно проснулись и буквально взревели от боли. Я еле-еле сумел вернуться обратно в комнату, к огню.

Но я все же довел дело до конца.

Это случилось семь лет назад. Я все еще живу здесь, смотрю, как взлетают ракеты. В последнее время запуски проводят чаще – нынешняя администрация уделяет много внимания космосу. Поговаривают о новых пилотируемых полетах к Венере.

Я узнал имя того мальчика – не бог весть какое утешение, конечно. Как я и думал, он жил в деревне, но его мать тогда решила, что он остался в городе, у друзей, поэтому его не хватились до следующего понедельника.

Ричард… Все и так считали его странным типом. Решили, что он вернулся в Мэриленд или закрутил роман с какой-нибудь женщиной.

Ко мне все привыкли, но большинство видит во мне такого же эксцентричного чудака. В конце концов, много вы видели бывших астронавтов, которые закидывали бы Вашингтон письмами о том, что деньги на исследование космоса следовало бы потратить с большей пользой где-то на Земле?

Я научился обращаться с протезами, и довольно неплохо. Первые пару лет они, конечно, доставляли массу неудобств, но человек способен приспособиться к чему угодно. Я бреюсь при помощи крюков и даже завязываю шнурки. Не думаю, что возникнут особые трудности с тем, чтобы вставить в рот дуло ружья и нажать на спусковой крючок. Понимаете, три недели назад все началось снова.

Теперь у меня на груди идеальный круг из двенадцати золотых глаз.

Поле боя

[2 - Battleground. © 2011. С. Скворцов. Перевод с английского.]

– Мистер Реншоу!

Голос портье догнал его на полпути к лифту. Нетерпеливо обернувшись, Реншоу переложил из одной руки в другую сумку, которую брал с собой в полет. В кармане пиджака деловито хрустнул конверт, плотно набитый двадцатками и пятидесятками. Он хорошо поработал, и вознаграждение было превосходным – даже после того как Организация удержала за посредничество пятнадцать процентов. Теперь все, чего он хотел, – это принять горячий душ, выпить джин с тоником и лечь спать.

– Что там такое?

– Посылка, сэр. Распишитесь, пожалуйста.

Поставив подпись, Реншоу задумчиво посмотрел на прямоугольную коробку. На клейкой этикетке угловатым почерком с наклоном влево были написаны его имя и адрес. Почерк показался ему смутно знакомым. Он потряс посылку, стоявшую на отделанной под мрамор стойке, – внутри что-то тихо звякнуло.

– Хотите, чтобы это принесли вам позже, мистер Реншоу?

– Нет, я заберу сам. – Каждая из сторон посылки достигала примерно полуметра, держать ее под мышкой было довольно неудобно. Положив коробку на покрытый шикарным ковром пол лифта, Реншоу повернул свой ключ в специальной скважине для пентхауса, находившейся выше ряда обычных кнопок. Кабина бесшумно и плавно тронулась с места. Закрыв глаза, Реншоу принялся прокручивать последнее задание на темном экране своего сознания.

Сначала, как обычно, был звонок от Кэла Бейтса: «Ты свободен, Джонни?»

Он был свободен два раза в год, минимальный гонорар – десять тысяч долларов. Он был очень хорошим и надежным специалистом, но за что заказчики действительно не жалели денег – так это за его безупречный талант хищника. Его, ястреба в человеческом обличье, генетика и окружающая среда создали для того, чтобы превосходно выполнять две функции: убивать и выживать.

После звонка Бейтса в почтовом ящике Реншоу появился темно-желтый конверт – имя, адрес, фотография. Зафиксировав все это в памяти, он сжег конверт вместе с содержимым, а пепел выбросил в мусоропровод.

На сей раз на снимке было бледное лицо бизнесмена из Майами по имени Ганс Моррис, основателя и владельца «Моррис той компани»[3 - «Morris Toy Company» – «Компания игрушек Морриса» (англ.). – Здесь и далее примеч. пер.]. Кому-то он помешал, и этот кто-то обратился в Организацию. Организация в лице Кэла Бейтса переговорила с Джоном Реншоу. Ба-бах! На похороны просим являться без цветов.

Двери лифта распахнулись, Реншоу подобрал посылку и вышел из кабинки, затем отпер дверь своего номера. В это время дня, в начале четвертого, просторная гостиная была залита светом апрельского солнца. Реншоу на миг застыл, радуясь его сиянию, затем положил коробку на стоявший возле двери журнальный столик, бросил на него конверт с деньгами, ослабил галстук и прошел к террасе.

Толкнув раздвижную стеклянную дверь, он вышел на воздух. Было холодно, ветер насквозь продувал его тонкое пальто. Тем не менее Реншоу немного задержался на террасе, окидывая город взглядом, каким полководец смотрит на завоеванную им страну. По улицам, словно жуки, медленно ползли автомобили. Вдали, почти растворившись в золотистом предвечернем сиянии, сверкал Бэй-бридж[4 - Один из крупнейших в США мостов через залив Сан-Франциско.], похожий на плод воображения сумасшедшего художника. На востоке за небоскребами в центре города едва проглядывали грязные доходные дома, покрытые лесом стальных телевизионных антенн. Нет, здесь, наверху, жить все-таки лучше. Лучше, чем там, в трущобах.

Вернувшись в помещение, он задвинул дверь и направился в ванную, чтобы понежиться под горячим душем.

Когда через сорок минут он сел за стол, чтобы с бокалом в руке изучить полученную коробку, тень доползла до середины темнокрасного ковра. Лучшая часть дня уже закончилась.

Бомба.

Конечно, ее в посылке не было, но следовало вести себя так, словно она там находилась. Именно поэтому одни остаются в живых и без труда зарабатывают себе на хлеб с маслом, а другие отправляются на небеса, на тамошнюю гигантскую биржу труда.

Если это все же бомба, то без часового механизма. Никаких звуков, только бесстрастное и таинственное молчание. Правда, для наших дней более типичны пластиковые бомбы, а они обладают не столь ярким темпераментом, как часовые пружины «Уэстклокс»[5 - Марка часов британского производства.] или Биг-Бена.

Реншоу взглянул на почтовый штемпель: «Майами, 15 апреля». Отправлено пять дней назад. Значит, тут действительно нет часового механизма, иначе бы уже давно произошел взрыв, например, в сейфе отеля.

Майами. Точно! И этот угловатый почерк с наклоном влево. На столе бледного бизнесмена в рамке стояла фотография, на которой была изображена старая карга в платке – еще бледнее самого Ганса Морриса. Внизу шла корявая подпись: «С наилучшими пожеланиями от девушки с первоклассными идеями. Мама».

И что же это за первоклассная идея, мама? Набор «Убей себя сам»?

Сложив на груди руки и не двигаясь, он с предельным вниманием рассматривал пакет. Посторонние вопросы типа того, откуда эта девушка с первоклассными идеями могла узнать… нет, узнала его адрес, Реншоу сейчас не занимали. На них позже ответит Кэл Бейтс. Сейчас это не важно.

Проворно и как бы чуть рассеянно он вытащил из бумажника маленький целлулоидный календарь и ловко вставил его под шпагат, которым была стянута коричневая бумага, затем передвинул под кусок клейкой ленты, закреплявшей один из клапанов упаковки. Клапан сразу высвободился.

Реншоу немного подождал, затем наклонился и принюхался. Картон, бумага, шпагат. Больше ничего. Обойдя вокруг коробки, он с легкостью опустился на корточки и повторил процесс. Сумерки запустили в помещение свои серые призрачные пальцы.

Выбившись из-под шпагата, один из клапанов открывал взору темно-зеленую коробку. Металлическую коробку с крышкой на петлях. Найдя перочинный нож, Реншоу разрезал бечевку. Она сразу отвалилась, а несколько осторожных движений кончиком ножа полностью обнажили коробку.

На ней имелись черные клейма, а спереди белыми трафаретными буквами было выведено: «ВЬЕТНАМСКИЙ СУНДУЧОК АМЕРИКАНСКОГО РЯДОВОГО ДЖО». И чуть ниже: «20 пехотинцев, 10 вертолетов, 2 автоматчика, 2 гранатометчика, 2 медика, 4 джипа». Еще ниже располагалась переводная картинка с изображением флага. И совсем внизу, в углу, было написано: «“Моррис той компани”, Майами, штат Флорида».

Реншоу потянулся было к коробке, но тут же отдернул руку. В сундучке что-то зашевелилось.

Реншоу медленно встал и, пятясь, двинулся в сторону кухни и коридора. Затем включил свет.

«Вьетнамский сундучок» раскачивался, коричневая бумага шуршала. Внезапно он опрокинулся и с тихим стуком шлепнулся на ковер. Крышка на петлях приоткрылась сантиметров на пять.

Из сундучка начали появляться крошечные пехотинцы ростом примерно четыре с половиной сантиметра. Реншоу смотрел на них не мигая. Его сознание даже не пыталось оценивать то, что он видел, – сейчас его занимала лишь реальная угроза.

Солдаты были в полевой форме, в касках и с ранцами. С плеч свисали крошечные карабины. Двое из них, быстро оглядев комнату, увидели Реншоу. Злобно сверкнули маленькие глаза – размером не больше булавочной головки.

Пять, десять, двенадцать, наконец все двадцать. Один взмахнул рукой, отдавая команду остальным. Все выстроились вдоль щели, образовавшейся после падения, и начали толкать крышку. Щель стала расширяться.

Сняв с кушетки большую подушку, Реншоу двинулся к сундучку. Командир оглянулся и взмахнул рукой. Остальные быстро обернулись и сняли с плеч карабины. Раздались тихие, отчетливые хлопки, и Реншоу внезапно

почувствовал что-то вроде пчелиных укусов.

Он швырнул в солдатиков подушкой. Она попала в цель, разметав их в разные стороны, но задела и коробку, которая в результате полностью раскрылась. Оттуда, жужжа, как стрекозы, вылетели миниатюрные вертолеты, окрашенные, по правилам маскировки, под цвет зеленых джунглей.

Ушей Реншоу достигло негромкое «пах-пах!», и из открытых дверей вертолетов вылетели крошечные языки дульного пламени. В его живот, правую руку и в шею словно вонзились иглы. Реншоу схватил рукой один из вертолетов – и внезапно ощутил острую боль в пальцах; брызнула кровь. Вращающиеся лопасти изрубили их до костей, образовав по диагонали багровые полосы, похожие на нарукавные нашивки. Остальные отлетели в сторону и стали виться вокруг, словно слепни. Подбитый вертолет упал на ковер и застыл в неподвижности.

Мучительная боль в ноге заставила Реншоу вскрикнуть. Один из пехотинцев стоял у него на ботинке и колол штыком в лодыжку. Солдатик с крошечным лицом смотрел на него снизу вверх, пыхтя и ухмыляясь.

Реншоу дернул ногой, маленькое тельце перелетело через комнату и ударилось о стену. Крови не было, образовалось лишь клейкое розовое пятно.

Раздался тихий кашляющий звук, и бедро Реншоу пронзила дикая боль. Из сундучка показался гранатометчик. Из дула гранатомета лениво поднималось кольцо дыма. Посмотрев на свою ногу, Реншоу увидел на брюках почерневшую дымящуюся дыру размером с четвертак. Края ее были обуглены.

Маленький мерзавец меня подстрелил!

Развернувшись, он через коридор побежал в спальню. Деловито жужжа, один из вертолетов пролетел мимо его щеки. Короткая автоматная очередь – и вертолет метнулся прочь.

Под подушкой лежал «магнум» 44-го калибра – достаточно мощный, чтобы проделать в любой мишени дыру величиной с два кулака. Держа пистолет обеими руками, Реншоу повернулся. Он отчетливо понимал, что ему придется стрелять по летающей мишени размером не больше электрической лампочки.

В этот момент к нему с жужжанием подлетели сразу два вертолета. Сидя на кровати, он выстрелил, и один из вертолетов разлетелся на куски. Уже два, подумал Реншоу. Он навел мушку на второй… нажал на спусковой крючок…

Вертолет рванулся в сторону. Черт побери, он увернулся!

В следующий миг вертолет стремительно налетел на него, спускаясь по почти отвесной дуге, передний и задний пропеллеры вертелись с неимоверной скоростью. Заметив в открытом отсеке автоматчика, стрелявшего короткими смертоносными очередями, Реншоу бросился на пол и откатился в сторону.

Глаза, этот мерзавец целил мне в глаза!

Он прижался спиной к дальней стене, держа пистолет на уровне груди. Но вертолет уже отступал. На мгновение он завис, словно размышляя о превосходящей огневой мощи противника, и исчез, ретировавшись в гостиную.

Реншоу встал, наступил на раненую ногу и поморщился от боли. Кровь текла ручьем. А почему бы и нет? – мрачно подумал он. Не каждый получает прямое попадание из гранатомета и остается при этом в живых.

Значит, мамочка с первоклассными идеями? Похоже, именно так и даже чуточку больше.

Он стащил с подушки наволочку и перевязал ногу, затем снял с комода зеркало для бритья и подошел к двери в коридор. Опустившись на колени, выставил зеркало на ковер и заглянул в него.

Будь я проклят, они разбивают лагерь возле сундучка!

Миниатюрные солдаты бегали туда-сюда, проворно устанавливая палатки. Вокруг деловито разъезжали пятисантиметровые джипы. Врач хлопотал над солдатом, которого лягнул Реншоу. Оставшиеся восемь вертолетов охраняли территорию сверху, барражируя на высоте кофейного столика.

Внезапно они заметили зеркальце, и трое пехотинцев, опустившись на колено, начали стрелять. Через несколько секунд зеркальце разлетелось на четыре

части. Что ж, ладно, ладно.

Вернувшись к комоду, Реншоу снял с него тяжелую шкатулку красного дерева для разной мелочи, которую Линда подарила ему на Рождество. Взвесив ее в руке, он кивнул, направился к двери и сделал мощный бросок, словно подающий в бейсболе. Описав дугу, коробка попала точно в цель, сметая маленьких солдат, словно кегли. Один из джипов дважды перевернулся вокруг своей оси. Выдвинувшись к двери в гостиную, Реншоу прицелился в распростертого солдата и показал ему, где раки зимуют.

Некоторые из оставшихся все же пришли в себя. Одни, как на стрельбище, вели огонь с колена, другие попрятались, а кое-кто отступил в сундучок.

«Пчелы» снова начали жалить Реншоу в ноги и грудь, но выше они не поднимались. Возможно, просто не могли. Впрочем, это не имело значения – он не собирался отступать. Все шло как надо.

В следующий раз он промахнулся – черт возьми, какие же они маленькие! – но очередной выстрел разнес солдатика на части.

Вертолеты снова яростно набросились на Реншоу. Теперь крошечные пули жалили его в лицо, повыше и пониже глаз. Он подстрелил сначала один вертолет, затем второй. Серебристые вспышки боли не позволяли ему как следует все рассмотреть.

Оставшиеся шесть вертолетов разделились на два звена и отступили. Лицо Реншоу было мокрым от крови, и он вытер его рукавом. Собравшись снова открыть огонь, он вдруг остановился. Отступившие в сундучок солдаты что-то выкатывали оттуда. Что-то, напоминающее…

Ослепительная желтая вспышка – и из стены слева от Реншоу дождем полетели куски дерева и штукатурки.

Ракетная установка!

Он выстрелил по ней, промахнулся, резко развернулся и побежал в ванную комнату, находившуюся в дальнем конце коридора. Захлопнув за собой дверь,

он запер ее на замок. Из зеркала на него изумленно и испуганно смотрел разгоряченный боем индеец, из крошечных ранок – отверстий размером не больше перечных зерен – текла красная краска. С одной щеки свисал неровный лоскут кожи, на шее виднелась глубокая борозда.

Я проигрываю!

Он провел дрожащей рукой по волосам. От входной двери он отрезан. От телефона и второго аппарата на кухне тоже. И к тому же у них есть проклятая ракетная установка – прямым попаданием ему запросто оторвет голову.

Черт побери, этой штуковины даже не было в списке на коробке!

Сделав глубокий вдох, Реншоу резко выдохнул, когда от двери с треском отлетел здоровенный, размером с кулак, кусок обгоревшего дерева. Вокруг рваных краев отверстия на миг вспыхнули крошечные языки пламени. При следующем выстреле Реншоу успел заметить ослепительную вспышку. В помещение влетели новые куски дерева, рассыпавшись на коврике пылающими щепками. Реншоу затоптал огонь, но тут через образовавшееся отверстие с яростным жужжанием влетели два вертолета. Миниатюрные автоматные пули впились ему в грудь.

Взвыв от ярости, он голыми руками свалил один из вертолетов на пол – на ладони тут же появился частокол глубоких порезов. Повинуясь внезапному озарению, он схватил тяжелое банное полотенце и швырнул им во второй вертолет. Машина упала, распростершись на полу, и Реншоу тут же ее растоптал. Изо рта у него вырывалось хриплое бульканье. Горячая и жгучая кровь заливала глаз, и он поспешно вытер ее рукой.

Вот так, черт подери! Вот так. Это заставит их призадуматься.

И в самом деле, они как будто призадумались. Минут пятнадцать никакого движения не наблюдалось. Присев на край ванны, Реншоу лихорадочно думал. Из этого тупика должен быть какой-то выход. Обязательно должен быть. Если бы можно было как-то обойти их с фланга…

Обернувшись, он посмотрел на маленькое окошко над ванной. Такой способ есть. Ну конечно, есть!

Его взгляд упал на баллончик с жидкостью для зажигалок, который стоял на аптечке. Он было потянулся к нему, но тут услышал шорох.

Реншоу резко развернулся, поднял свой «магнум»… но это был всего лишь подсунутый под дверь маленький клочок бумаги. Даже для них, мрачно подумал Реншоу, эта щель слишком узкая.

Крошечными буквами на клочке бумаги было написано всего одно слово: «Сдавайся!»

Мрачно улыбнувшись, Реншоу положил баллончик в нагрудный карман. Поблизости валялся изжеванный огрызок карандаша. Нацарапав на бумаге ответ, он просунул ее обратно: «ЧЕРТА С ДВА!»

На это сразу последовал шквал ракетных залпов, и Реншоу отступил назад. По дуге влетая сквозь дыру в двери, ракеты взрывались на голубых плитках чуть выше вешалки для полотенец, превращая элегантную стену в миниатюрное подобие лунного пейзажа. Реншоу прикрыл рукой глаза – горячим ливнем шрапнели на него летела штукатурка. На рубашке появились горящие дыры, спину словно посыпали перцем.

Когда обстрел закончился, Реншоу взобрался на ванну и распахнул окно. Сверху на него смотрели холодные звезды. За небольшим окошком находился очень узкий карниз, но раздумывать об этом сейчас было некогда.

Он высунулся в окно, и холодный ветерок хлестнул по истерзанному лицу и шее. Опершись на руки, посмотрел прямо вниз: он находился над пропастью в сорок этажей. Отсюда, из пентхауса, улица напоминала колею игрушечной железной дороги. Яркие мигающие огни города вызывающе сверкали внизу, словно рассыпанные драгоценности.

С обманчивой легкостью тренированного гимнаста Реншоу оперся коленями о нижний край окна. Если крошечный, размером с осу, вертолет пролетит через дыру в двери, одного выстрела в задницу будет достаточно, чтобы он с криком полетел прямо вниз.

К счастью, ничего подобного не произошло.

Извернувшись, Реншоу вытянул из окна одну ногу и ухватился за верхний край рамы. Мгновение спустя он уже стоял на карнизе.

Стараясь не думать о жуткой пропасти, разверзшейся под ним, о том, что случится, если вертолет устремится за ним в погоню, Реншоу медленно двинулся к углу здания.

Осталось пять метров… Три… Ну вот, наконец дошел. Он остановился, прижавшись грудью к стене и раскинув руки по неровной поверхности. В нагрудном кармане торчал баллончик, пояс оттягивала ободряющая тяжесть «магнума».

Теперь нужно завернуть за этот проклятый угол.

Он осторожно продвинул вперед одну ногу и перенес на нее свой вес. Угол здания, острый, как бритвенное лезвие, врезался ему в грудь и живот. Воняло птичьим пометом, следы которого отчетливо виднелись на грубом камне. Боже мой, пришла в голову Реншоу безумная мысль, вот уж не знал, что они залетают так высоко.

Его левая нога внезапно соскользнула с уступа.

Одно роковое мгновение, показавшееся бесконечным, Реншоу покачивался на краю пропасти, правой рукой отчаянно молотя воздух, пока наконец не восстановил равновесие. Крепко, словно любимую женщину, он обнимал здание, прижавшись лицом к его твердому углу и судорожно дыша.

Мало-помалу он передвинул за угол и вторую ногу.

В десяти метрах виднелась терраса его собственной гостиной.

Реншоу добрался до нее, задыхаясь от страха. Дважды ему пришлось останавливаться, когда резкие порывы ветра угрожали сбросить его с карниза.

Еще усилие – и он, ухватившись за декоративные железные перила, бесшумно перемахнул через них. Уходя, он оставил занавески лишь наполовину задернутыми и теперь осторожно заглянул в помещение. Ему удалось

подобраться к врагу сзади – как он и хотел.

Четыре солдата и один вертолет охраняли сундучок. Другие, должно быть, находились возле двери в ванную вместе с ракетной установкой.

Ладно. Необходимо неожиданно ворваться в гостиную, как делают бойцы спецназа, уничтожить тех, что возле сундучка, затем выскочить за дверь. Потом быстренько на такси – и в аэропорт. Оттуда в Майами, чтобы найти там «девушку с первоклассными идеями». Наверное, он сожжет ей физиономию огнеметом. Это будет вполне справедливо.

Сняв рубашку, Реншоу оторвал от рукава длинную полосу. Остальное он бросил себе под ноги, откусив пластмассовый носик от баллончика с горючей жидкостью. Реншоу просунул в баллончик один конец тряпки, затем вытащил его и засунул другой конец, оставив снаружи лишь пятнадцатисантиметровую полоску влажной ткани.

Вытащив зажигалку, он сделал глубокий вдох и чиркнул колесиком. Затем поднес зажигалку к ткани и, когда она загорелась, рывком отодвинул стеклянную перегородку и бросился внутрь.

Роняя на ковер капли горючей жидкости, Реншоу помчался вперед. Вертолет среагировал мгновенно, бросившись в самоубийственную атаку. Реншоу сбил его рукой, едва заметив жуткую боль, когда вращающиеся лопасти врезались в его незащищенную плоть.

Крошечные пехотинцы ринулись в сундучок.

Дальше все произошло очень быстро.

Реншоу швырнул баллончик с горючей жидкостью. Он ярко вспыхнул, быстро превращаясь в огненный шар.

В следующее мгновение Реншоу уже бежал к двери.

Он так и не узнал, что его убило.

Раздался сильный грохот, словно стальной сейф сбросили с приличной высоты. Только на сей раз удар сотряс все многоэтажное здание, заставив его стальной каркас вибрировать, словно камертон.

Дверь пентхауса сорвало с петель и вдребезги разбило о дальнюю стену.

Прогуливавшаяся внизу парочка вовремя посмотрела вверх, чтобы увидеть огромную белую вспышку – словно сотни фотографов одновременно нажали на спуск.

– Что-то взорвалось, – сказал мужчина. – Мне кажется…

– Что это? – спросила его спутница.

Что-то падало прямо на них, лениво кружась в воздухе; протянув руку, мужчина поймал странный предмет.

– Господи, да это же мужская рубашка! Вся в маленьких дырках. И в крови.

– Мне это не нравится, – встревоженно сказала женщина. – Вызовем такси, а, Ральф? Если наверху что-то случилось, нам придется беседовать с копами, а я не должна была сейчас с тобой встречаться.

– Ну да, конечно.

Оглядевшись по сторонам, он увидел такси и свистнул. Стоп-сигналы такси мигнули, и парочка помчалась к машине.

За ними, никем не замеченный, падал вниз маленький клочок бумаги. Слетев, он приземлился возле обрывков рубашки Джона Реншоу. Угловатым почерком с наклоном влево на нем было написано:

Эй, парни! Только в этом «Вьетнамском сундучке»!

Ограниченное предложение!

1 ракетная установка,

20 ракет «Ураган» класса «земля – воздух».

1 мини-модель термоядерной боеголовки.

Иногда они возвращаются

[6 - Sometimes They Come Back. © 2011. Т. Покидаева. Перевод с английского.]

Жена ждала Джима Нормана с двух часов дня. Увидев, как он заезжает во двор, она поспешила ему навстречу. Утром она сходила в магазин и накупила продуктов для праздничного обеда: пару бифштексов, бутылку «Лансерс», пучок салата, пикантный соус. И теперь, глядя на мужа, выбиравшегося из машины, миссис Норман очень надеялась, что им будет что праздновать.

Джим подошел ко входу в дом. В одной руке он держал новый портфель, в другой – стопку учебников. Миссис Норман рассмотрела название того, что был сверху: «Введение в грамматику». Она положила руки на плечи мужа и спросила:

– Ну, как все прошло?

Он улыбнулся.

В минувшую ночь ему снова приснился давний кошмар – впервые за долгое время, – и он проснулся в холодном поту, едва сдержав крик.

Собеседование в школе Дэвиса проводили директор и завуч английского отделения. Разговор коснулся и нервного срыва Джима.

Джим это предвидел и был готов.

Директор, лысый, бледный как смерть мужчина по фамилии Фентон, откинулся на спинку кресла и уставился в потолок. Симмонс, завуч английского отделения, раскурил трубку.

– У меня тогда был очень трудный период, – сказал Джим Норман. Его руки, лежавшие на коленях, едва не принялись выбивать пальцами нервную дробь, но он пресек это дело сразу.

– Понятно, – улыбнулся Фентон. – У нас тут не принято лезть в чужие дела, однако я думаю, вы все со мной согласитесь, что работа у преподавателей – это сплошная нагрузка на психику, и уж тем более у преподавателей в средней школе. Пять часов в день разоряешься перед самой неблагодарной на свете публикой, которая, хоть ты убейся, никогда не оценит твоих стараний. Вот почему, – заключил он не без гордости, – среди школьных учителей так много язвенников. Намного больше, чем среди представителей всех прочих профессий, за исключением авиадиспетчеров.

– У меня действительно были критические обстоятельства, – сказал Джим.

Фентон и Симмонс сочувственно закивали, но явно только из вежливости. Завуч достал зажигалку и заново раскурил потухшую трубку. В кабинете вдруг стало тесно и душно. У Джима возникло странное ощущение, будто ему в затылок направили мощную инфракрасную лампу. Пальцы нервно забарабанили по коленям, но Джиму все-таки удалось овладеть собой.

– Я учился на выпускном курсе и проходил практику в школе. А летом, как раз перед этим последним курсом, у меня умерла мама… от рака… и когда мы с ней говорили в последний раз, она попросила, чтобы я не бросал учебу. Мой брат… у меня был старший брат… он погиб, когда мне было девять. Он мечтал стать учителем, и мама хотела…

По скучающим лицам директора и завуча он понял, что его явно заносит куда-то не туда, и подумал: «Черт, так я вообще все испорчу».

– В общем, я выполнил ее просьбу, – быстро закончил он, не вдаваясь в детали своих запутанных отношений с мамой и братом Уэйном, бедным-несчастным убитым Уэйном. – Когда я работал на практике вторую неделю, мою невесту сбила машина. Какой-то подросток… его так и не нашли.

Симмонс сочувственно прищелкнул языком.

– Но я как-то держался. А что еще мне оставалось? Ей крепко досталось… сложный перелом ноги, четыре сломанных ребра… но ее жизнь была вне опасности. По-моему, я даже не понимал, сколько всего на меня навалилось.

Теперь осторожнее.

– Я проходил практику в профтехучилище на Центральной, – сказал Джим.

– Тот еще райский уголок, – кивнул Фентон. – Выкидные ножи, армейские ботинки на подбитой металлом подошве, самострелы в шкафчиках для личных вещей, рэкет и вымогательство карманных денег, и каждый третий ученик продает травку двум остальным. Я знаю это училище.

– Там был один ученик, Марк Циммерман, – продолжал Джим. – Очень впечатлительный, тонкий мальчик. Играл на гитаре. Занимался в литературном классе. У него был талант. И вот однажды я прихожу на урок и вижу такую картину: два одноклассника держат Марка, а третий колотит его «Ямаху» о батарею. Марк страшно кричал. Я наорал на них, чтобы они прекратили. А когда я хотел отобрать инструмент, меня кто-то ударил. – Джим пожат плечами. – Вот так у меня и случился тот нервный срыв. Я не бился в истерике, не рыдал, не забивался в угол. Я просто больше не мог там работать. Даже близко не мог подойти – сразу внутри все сжималось. Становилось нечем дышать, прошибал холодный пот…

– У меня та же история, – доверительно признался Фентон.

– Я прошел курс лечения. Групповая психотерапия. У меня не было денег на индивидуальные сеансы. Лечение мне помогло. Мы с Салли поженились. Она немного прихрамывает, и у нее остался шрам, но в остальном у нее все в порядке. – Он посмотрел прямо в глаза Фентону. – И у меня тоже, я думаю.

– Вы закончили практику в другой школе, – сказал Фентон. – В Кортесе, как я понимаю.

– Тоже не райские кущи, – заметил Симмонс.

– Я специально выбрал трудную школу, – сказал Джим. – Даже поменялся с другим студентом.

– Ваш методист и научный руководитель поставили вам по пятерке, – напомнил Фентон.

– Да.

– А средний балл за четыре года составил 3,88. Выше редко бывает.

– Мне нравилось в колледже.

Фентон с Симмонсом переглянулись и встали. Джим последовал их примеру.

– Мы вас известим о принятом решении, мистер Норман, – сказал Фентон. – У нас есть еще несколько кандидатов на это место…

– Да, я все понимаю…

– …но на меня лично произвели впечатление ваши академические успехи и ваша искренность и откровенность.

– Спасибо на добром слове.

– Сим, мистер Норман, наверное, не откажется выпить кофе, перед тем как уйти.

Они пожали друг другу руки.

Уже в коридоре Симмонс сказал:

– Я думаю, можно считать, вы приняты. Если, конечно, не передумаете. Разумеется, это строго между нами. Как говорится, не для протокола.

Джим кивнул. Он и сам очень многого им не сказал, потому что это было явно не для протокола.

Средняя школа Харольда Дэвиса располагалась в уродливом старом здании времен Второй мировой войны, отремонтированном и обновленном по современным стандартам. На обустройство одного только научного корпуса в прошлом году было потрачено полтора миллиона долларов. В классных комнатах, еще помнивших послевоенных детишек – первых учеников школы, – стояли новенькие современные парты и висели доски с антибликовым покрытием. Учились там дети из обеспеченных семей: хорошо одетые, аккуратные, жизнерадостные. У шестерых из десяти старшеклассников были собственные машины. В общем, хорошая школа. Мечта любого учителя из «безумных семидесятых». По сравнению со школой Дэвиса профтехучилище на Центральной казалось дикими, дремучими джунглями.

Но после уроков, когда ученики уходили домой, в пустых коридорах и классах сгущалась тягостная тишина, в которой как будто ворочался и вздыхал неповоротливый злобный зверь – некое темное, древнее существо, неуловимое для взгляда. Порой, когда Джим проходил по коридору четвертого корпуса к выходу на стоянку, ему казалось, что он почти слышит дыхание этого невидимого зверя.

В конце октября Джиму снова приснился тот самый сон – и на этот раз он закричал. Проснувшись в холодном поту, он увидел, что Салли сидит на постели и держит его за плечо. Сердце бешено колотилось в груди.

– Господи, – выдохнул Джим и провел рукой по лицу.

– Что с тобой?

– Все нормально. Я кричал во сне?

– Да, кричал. Кошмар приснился?

– Ага.

– Те мальчишки, которые разбили гитару?

– Нет, – отказался он. – Это давняя история. Просто это иногда возвращается, вот и все. Но ты не волнуйся. Все хорошо.

– Точно?

– Ага.

– Тебе принести молока? – Она встревоженно хмурилась.

Он поцеловал ее в плечо:

– Нет, не надо. Давай спать.

Салли погасила свет, а Джим еще долго лежал без сна, вглядываясь в темноту.

Обычно новых учителей загружают по полной программе, но Джиму составили на удивление хорошее расписание. Первый урок – свободный. Второй и третий – литература в девятых классах: один класс заурядный, скучноватый, второй – очень даже забавный. Четвертый урок, его самый любимый – американская литература для выпускников, поступающих в колледж. Ребята подобрались смышленые, дерзкие, не признающие никаких авторитетов – таким только дай поиздеваться над общепризнанными мастерами слова. Пятый урок, «час консультаций», отводился для индивидуальных занятий с учениками, у которых имелись какие-то личные трудности или проблемы с учебой. Но подобных проблем не было практически ни у кого (или просто никто не хотел обсуждать их с новым учителем), так что пятый урок тоже, как правило, получался свободным, и Джим проводил этот час наедине с интересной книгой. Шестой урок был самым скучным во всем расписании – английская грамматика, предмет сам по себе не особенно занимательный.

В общем, все было бы просто отлично, если бы не самый последний, седьмой урок, проходивший в тесной каморке на третьем этаже. В начале осени там было жарко, а с приходом зимы стало по-настоящему холодно. Предмет назывался «Литература и жизнь», а в классе собрали тех учеников, которых в школьных регистрационных журналах деликатно обозначают как «малоспособных».

Таких «малоспособных» в классе у Джима набралось двадцать семь человек. В основном – парни, спортсмены из школьной команды. Литература была им до лампочки. В лучшем случае они со скучающим видом отсиживали урок, проявляя полное отсутствие любого присутствия, а кое-кто держался откровенно враждебно. Как-то раз Джим вошел в класс и увидел на доске совершенно похабную, притом мастерски нарисованную карикатуру на себя самого с совершенно излишней подписью: «Мистер Норман». Он молча стер гадкий рисунок и как ни в чем не бывало начал урок, несмотря на приглушенные смешки.

Он пытался как-то расшевелить этих учеников. Выбирал интересные темы, использовал аудио– и видеоматериалы, заказал несколько увлекательных, умных и содержательных учебников – но все без толку. Настроение в классе менялось лишь в двух направлениях: это было либо неуправляемое «стояние на ушах», либо непробиваемое угрюмое молчание. На одном из уроков в начале ноября, когда проходили «О мышах и людях» Стейнбека, двое мальчишек подрались, и Джим отправил обоих к директору. Когда он потом открыл книгу, чтобы продолжить урок, в глаза бросилась фраза: «Что, съел?!»

Он обсудил эту проблему с Симмонсом, но тот лишь пожал плечами и раскурил свою трубку.

– Я не знаю, как вам помочь, Джим. Последний урок – это всегда тяжело. А тут еще класс подобрался такой… специфический. Сплошные футболисты и баскетболисты. Для большинства этих ребят плохие оценки по вашему предмету означают запрет на тренировки. Литература им как-то без надобности, так что понятно, отчего они бесятся.

– Я тоже скоро взбешусь, – угрюмо заметил Джим.

Симмонс кивнул:

– С ними надо пожестче. Покажите, что с вами особенно не забалуешь, и они присмиреют и начнут заниматься. Хотя бы ради своих тренировок.

Но последний, седьмой урок продолжал оставаться для Джима занозой в известном месте.

Самым проблемным из всех ребят в этом классе был Чип Осуэй, этакий здоровенный неповоротливый лось. В начале декабря, во время короткого перерыва между футболом и баскетболом (Осуэй играл в обеих командах), Джим поймал его со шпаргалкой и выгнал из класса.

– Если ты меня, сукин сын, завалишь, мы тебе такое устроим! – выкрикнул Осуэй уже в коридоре. – Слышишь, ты?

– Ты давай не выступай, – ответил Джим.

– Мы до тебя доберемся, урод!

Джим вернулся в класс. Ребята сидели с абсолютно пустыми лицами, не выражавшими вообще ничего. На Джима нахлынуло ощущение нереальности происходящего – как уже было однажды, давным-давно.

Мы до тебя доберемся, урод.

Он достал свой зачетный журнал, открыл на странице «Литература и жизнь» и аккуратно вывел «неуд» в экзаменационной колонке рядом с именем Чипа Осуэя.

В ту ночь его снова мучил кошмар – тот самый кошмар.

Как всегда, в этом сне все происходило мучительно медленно. Поэтому у него было достаточно времени, чтобы рассмотреть и прочувствовать все-все-все – заново пережить все события, ведущие к неотвратимой, уже известной развязке. И что самое страшное: зная, чем все закончится, ты был не в силах ничего изменить. Ты был таким же беспомощным, как человек, надежно пристегнутый ремнем безопасности в автомобиле, сорвавшемся в пропасть с

обрыва.

Во сне ему было девять, его брату Уэйну – двенадцать. Они шли по Брод-стрит в городе Стратфорде, штат Коннектикут, направляясь в городскую библиотеку. Джим на два дня просрочил взятые книжки, и ему пришлось вытряхнуть из копилки четыре цента, чтобы заплатить штраф. Это было под вечер на летних каникулах. В воздухе пахло свежескошенной травой. Из какого-то окна на втором этаже доносилась трансляция бейсбольного матча, «Янки» играли с «Ред сокс» в решающем матче сезона и вели в счете 6:0, бэттер Тед Уильямс как раз приготовился отбивать мяч, небо темнело, и тени от комплекса зданий «Барретс компани» медленно удлинялись, протягиваясь через улицу.

Сразу за рынком и территорией «Барретс» располагалась железнодорожная эстакада, а на противоположной стороне, у закрытой автозаправочной станции, ошивалась компания местной шпаны: большие мальчишки в кожаных куртках и проклепанных джинсах. Джиму ужас как не хотелось проходить мимо этой компашки. Он знал, они будут кричать им: «Эй ты, очкарик!», или «Эй, мелюзга!», или «А ну гони четвертак, шпингалет!». Однажды им с Уэйном пришлось бежать целый квартал, чтобы отвязаться от этого хулиганья. Но брат ни за что не согласится пойти в обход. Потому что так делают только трусы.

Там, во сне, эстакада угрожающе приближалась, закрывая полнеба, и страх бился в горле, словно огромная черная птица. Зрение вдруг обострялось, и ты видел все четко и ясно: мигающую неоновую вывеску «Барретс» (она как раз только-только включилась); струпья ржавчины на опорах моста, выкрашенных зеленым; битые стекла, блестящие в угольной пыли на железнодорожном полотне; погнутый велосипедный обод в канаве.

Ты пытаешься сказать Уэйну, что это все уже было – причем не раз. Но сейчас местные хулиганы не ошиваются возле автозаправки. Они прячутся в сумраке под эстакадой. И у тебя ничего не выходит, слова не идут. Ты абсолютно беспомощен.

А потом вы заходите под эстакаду, и от стен в переходе отделяются тени, и высокий мальчишка со сломанным носом и блондинистым «ежиком» на голове толкает Уэйна, прижимает его к почерневшему от сажи шлакобетонному блоку и говорит: Гони деньгу.

Отстань от меня.

Ты пытаешься убежать, но здоровенный жирдяй с сальными черными волосами хватает тебя и прижимает к стене рядом с братом. Левый глаз толстяка дергается, как бывает при нервном тике. Он говорит: Так сколько там у тебя денег, козявка?

Че-четыре цента.

Врешь небось.

Уэйн пытается вырваться, и парень со странными ярко-оранжевыми волосами помогает блондину его удержать. Жирдяй с нервным тиком вдруг ни с того ни с сего бьет тебя кулаком по зубам. В паху становится жарко и влажно, на джинсах проступает темное пятно.

Смотри, Винни, он обоссался!

Уэйн бешено отбивается от удерживающих его парней, и ему почти удается вырваться – но «почти» не считается. Еще один парень, в черных слаксах и белой футболке, снова толкает его к стене. У него красная родинка на подбородке, у этого парня. Каменная стена начинает дрожать. Дребезжащая вибрация передается по металлическим перекрытиям. Приближается поезд.

У тебя из рук выбивают книжки, и парень с родинкой на подбородке отфутболивает их в канаву. Уэйн вдруг резко вскидывает правую ногу и бьет толстяка с нервным тиком прямо в пах. Тот вопит.

Винни, он сейчас вырвется!

Толстяк кричит что-то о своих бедных яйцах, но даже эти истошные вопли тонут в раскатистом грохоте приближающегося поезда. И вот уже поезд проносится прямо над ними, и его громыханье заполняет собой весь мир.

Свет отражается от лезвий выкидных ножей. Один нож – у блондина с «ежиком», второй – у парня с родинкой на подбородке. Тебе не слышно, что кричит Уэйн, но ты читаешь слова по губам:

Беги, Джимми. Беги!

Ты падаешь на колени, а руки, державшие тебя, – их уже нет. Ты проскальзываешь у кого-то между ногами, как маленький лягушонок. Чья-то рука чиркает по спине, но не может схватить. А потом ты бежишь – той же дорогой, по которой пришел. Бежишь до ужаса медленно, увязая в пространстве, как часто бывает во сне. Ты оглядываешься и видишь…

Он проснулся. В комнате было темно. Салли мирно спала рядом. Он закусил губу, чтобы задушить крик.

Когда он обернулся и посмотрел в зияющую тьму под железнодорожным мостом, то увидел, как блондинистый парень и тот, второй, с родинкой на подбородке, ударили брата ножами: нож блондина вошел в грудь, а нож того, с родинкой, – прямо в пах.

Он лежал в темной спальне и никак не мог отдышаться. Он ждал, пока исчезнет этот мучительный морок, призрак его самого в девять лет, и спокойный сон не сотрет страшные воспоминания.

И сон пришел. Только очень не скоро.

Городской департамент образования решил объединить школьные каникулы с рождественскими, так что дети и учителя гуляли чуть ли не целый месяц. Кошмар снился Джиму еще пару раз, в самом начале каникул, а потом больше не приходил. Джим и Салли поехали в Вермонт, где у Салли жила сестра. Там они целыми днями катались на лыжах. Им было весело и хорошо.

На природе, на свежем, звенящем морозом воздухе все проблемы, связанные со школой, казались мелкими и нелепыми. Джим вернулся с каникул с зимним загаром, свежим и отдохнувшим, собранным и спокойным.

Симмонс поймал его в коридоре перед самым началом второго урока и протянул какую-то папку.

– У вас новенький. В классе «Литература и жизнь». Роберт Лоусон. Перешел из другой школы.

– Сим, куда мне еще?! У меня же двадцать семь человек! Это будет уже перебор.

– У вас так и останется двадцать семь. Билла Стерна сбила машина. Сразу насмерть. Водитель скрылся, его не нашли.

– Билли?!

Перед глазами возникла картинка – черно-белая, словно фрагмент фотографии всего выпускного класса. Уильям Стерн, член закрытого школьного клуба, игрок футбольной команды, участник творческих семинаров. Один из немногих хороших учеников в этом классе. Тихий, спокойный. Не отличник, но твердый хорошист. Отвечать вызывался нечасто, но если спрашивали, отвечал правильно и остроумно. Умер? Погиб? В пятнадцать лет. Джим невольно поежился. Внезапно повеяло ощущением бренности собственной жизни – как сквозняком из-под двери.

– Господи, какой ужас! А известно, как это случилось?

– Полиция разбирается. Он поехал в центр, подарить кому-то что-то на Рождество. Переходил улицу, и его сбила машина. Старый «форд». Номера никто не запомнил, но на боку было написано: «Не повезло!» Такой детский юмор. Так что скорее всего за рулем был подросток.

– Господи, – повторил Джим.

– Звонок на урок, – сказал Симмонс и побежал по своим делам, разогнав по пути небольшую компанию ребятишек, собравшихся возле питьевого фонтанчика. Джим вошел в класс, чувствуя себя полностью опустошенным.

Во время свободного урока он решил просмотреть документы в папке Роберта Лоусона. Первый лист – справка из Милфордской средней школы, о которой Джим никогда раньше не слышат. Второй лист – сведения об учащемся и краткая характеристика. Коэффициент умственного развития ниже среднего: 78. Есть какие-то трудовые навыки, но отмечены и явные антисоциальные

наклонности по тесту Барнетта-Хадсона. Умственные способности, как говорится, оставляют желать. «В общем, – кисло подумал Джим, – юноша самый что ни на есть подходящий для курса “Литература и жизнь”».

Дальше шла характеристика поведения учащегося, так называемый желтый лист, только в Милфордской средней школе он был белым с черной траурной рамкой, заполненный целиком, удручающе подробно. С дисциплиной у Лоусона дело обстояло просто плачевно.

Джим перевернул страницу и взглянул на фотографию Роберта Лоусона. На секунду зажмурился, посмотрел еще раз. Ему вдруг стало жарко и душно. Сердце сжалось от страха.

Лоусон смотрел прямо в камеру, враждебно насупившись, словно позировал не для школьного снимка, а для личного дела, которое заводят в полиции. У него на подбородке была небольшая родинка. Родинка красного цвета.

К началу седьмого урока Джим успел перебрать в уме всевозможные рациональные доводы. Он твердил себе, что мальчишек с красными родинками на подбородках не так уж и мало – наверняка несколько тысяч по всей стране. И что урод, пырнувший ножом его брата в тот злополучный вечер шестнадцать лет назад – шестнадцать долгих, исполненных ноющей боли лет, – уже давно не мальчишка. Сейчас ему точно за тридцать. На самом деле никак не меньше тридцати двух.

Но, поднимаясь на третий этаж, Джим никак не мог избавиться от мрачных предчувствий. Что-то похожее было как раз перед нервным срывом. Во рту ощущался явственный привкус страха.

В коридоре на третьем у двери в кабинет номер 33, как обычно, толпились ученики. Увидев Джима, некоторые вошли в класс. Но несколько человек так и остались стоять у двери, переговариваясь вполголоса и посмеиваясь. Джим сразу приметил новенького. Тот стоял рядом с Чипом Осуэем. Роберт Лоусон был в синих джинсах и желтых ботинках на толстой рифленой подошве – последний крик моды.

– Чип, иди в класс.

– Это приказ? – усмехнулся подросток, глядя куда-то поверх головы Джима.

– Безусловно.

– Вы меня завалили на том экзамене?

– А ты как думал?

– Ну ладно… – Чип пробурчал что-то, но Джим не расслышал, что именно.

Он повернулся к Роберту Лоусону:

– Ты, как я понимаю, новенький. Давай я тебе сразу скажу, какие у нас тут правила.

– Да, мистер Норман, конечно. – Правую бровь Лоусона пересекал крошечный шрам, и Джим узнал этот шрам. Да, узнал. Бред, безумие – такого просто не может быть. И все же, все же… Именно этот мальчишка ударил ножом его брата. В тот вечер, шестнадцать лет назад.

Джим впал в какое-то странное оцепенение. Он принялся перечислять школьные правила и предписания, при этом слыша свой собственный голос, словно откуда-то издалека. Роберт Лоусон стоял, запустив большие пальцы за свой армейский ремень, – слушал, улыбался и кивал Джиму, как старому приятелю.

– Джим?

– Да?

– У тебя ничего не случилось?

– Нет, все нормально.

– Эти мальчишки, которым ты преподаешь «Литературу и жизнь», так тебя и донимают?

Он промолчал.

– Джим!

– Нет.

– Может, ляжешь сегодня пораньше?

Но Джим еще долго не мог заснуть.

В ту ночь ему снова приснился кошмар. И на этот раз все было еще страшнее. Пырнув ножом брата, парень с родинкой на подбородке обернулся и крикнул вдогонку Джиму: «Ты на очереди, козявка! Так что готовься».

Джим проснулся от собственного крика.

На этой неделе они проходили «Повелителя мух» Голдинга. Джим рассказывал о символике романа, и Лоусон вдруг поднял руку.

– Да, Роберт, – сказал Джим ровным голосом.

– А что вы так на меня смотрите?

Джим растерянно моргнул. У него пересохло во рту.

– У меня нос зеленого цвета? Или ширинка расстегнута, или что?

В классе раздались нервные смешки.

– Я на вас не смотрел, мистер Лоусон, – нарочито спокойно ответил Джим. – Кстати, может, вы нам расскажете, из-за чего Ральф поругался с Джеком…

– Нет, вы смотрели.

– Может, вам хочется обсудить этот вопрос с мистером Фентоном?

Лоусон как будто задумался.

– Нет.

– Хорошо. А теперь расскажите нам, из-за чего Ральф и Джек…

– А я не читал. Мне кажется, это тупая книга.

Джим вымученно улыбнулся:

– Вам так кажется? Ну хорошо. Только имейте в виду: ты судишь книгу, а книга судит тебя. Ладно, может, кто-то другой нам расскажет, почему Ральф и Джим поссорились из-за зверя?

Кэти Слейвин робко подняла руку. Лоусон смерил ее цинично-оценивающим взглядом и что-то шепнул Чипу Осуэю. Что-то очень похожее на «классные сиськи». Чип согласно кивнул.

– Кэти?

– Потому что Джеку хотелось устроить охоту на зверя?

– Правильно, молодец.

Джим взял мел и принялся писать на доске. Как только он повернулся к классу спиной, о доску ударился грейпфрут. Буквально в двух дюймах от головы Джима.

Он отшатнулся и резко обернулся. Кто-то в классе хихикал, но Осуэй и Лоусон сидели, как примерные мальчики, с совершенно невинным видом.

Джим поднял грейпфрут с пола.

– А вот взять бы сейчас эту штуку, – сказал он, глядя в сторону задних парт, – и запихать кому-то в глотку. Прямо так, целиком.

Кэти Слейвин аж задохнулась.

Джим швырнул грейпфрут в мусорную корзину и опять повернулся к доске.

Дома за завтраком он развернул утреннюю газету и сразу увидел заголовок на середине страницы.

– Господи, – прошептал он, перебив плавный поток утреннего щебетания жены. В животе закололо, как будто туда напихали гвоздей. – «Школьница разбивается насмерть. Вчера вечером Кэтрин Слейвин, семнадцатилетняя ученица средней школы Харольда Дэвиса, либо упала сама, либо была сброшена с крыши многоэтажного дома, где находится квартира ее родителей. По словам матери Кэтрин, девочка держала на крыше голубей и поднялась туда, чтобы покормить питомцев. В полиции нам сообщили, что соседка из дома напротив, некая женщина, не пожелавшая назвать свое имя, видела, как по крыше пробежали трое подростков. Это было в 18.45, буквально через пару минут после того, как тело девушки…» (Продолжение на стр. 3.)

– Джим, это твоя ученица?

Он ничего не ответил жене. Просто не смог ничего сказать.

Две недели спустя Симмонс перехватил Джима в коридоре после звонка на большую перемену. Увидев папку в руках у завуча, Джим застыл как вкопанный. У него внутри все оборвалось.

– Новенький, – произнес он без всякого выражения. – Будет изучать «Литературу и жизнь».

Сим удивленно взглянул на него:

– А как вы догадались?

Джим только молча пожал плечами и протянул руку за папкой.

– Мне надо бежать, – сказал Симмонс. – Общешкольное собрание завучей. Будем оценивать эффективность учебных программ. Что-то у вас такой вид, словно вас слегка придавил грузовик. Вы хорошо себя чувствуете?

Ну да. Так, слегка. Сразу насмерть. Как Билли Стерна.

– Да, конечно, – ответил он.

– И это не может не радовать. – Симмонс похлопал Джима по спине.

Как только завуч ушел, он открыл папку – открыл сразу на фотографии, – заранее приготовившись, как человек, ожидающий удара.

Но мальчишка на снимке был ему незнаком. По крайней мере на первый взгляд. Джим его не узнал. Просто какой-то мальчишка. Видел ли Джим его раньше? Может, да. Может, нет. Сложно сказать. Дэвид Гарсия был крупным, массивным подростком с темными волосами, пухлыми негроидными губами и сонным взглядом. Он перешел к ним из той же Милфордской средней школы. А до этого два года провел в исправительной колонии для малолетних преступников, куда попал за угон автомобиля.

Джим закрыл папку и заметил, что у него дрожат руки.

– Салли!

Она подняла взгляд от гладильной доски. Джим сидел перед включенным телевизором и вроде как смотрел баскетбол, хотя на самом деле просто тупо таращился на экран.

– Нет, ничего. Уже забыл, что хотел сказать.

– Все ясно. Ранний склероз.

Джим изобразил улыбку и снова уставился в телевизор. Он почти собрался ей все рассказать. Но о таком не рассказывают. Это же бред сумасшедшего в

чистом виде. Да и с чего начать? С кошмарного сна? С нервного срыва? Или, может, с появления Роберта Лоусона?

Нет, начать надо с Уэйна – с твоего брата Уэйна.

Но он никогда никому не рассказывал об этом, даже на занятиях в психотерапевтической группе. Джим с содроганием вспомнил свою первую встречу с Дэвидом Гарсией в школьном коридоре – их взгляды встретились, и Джима накрыла волна леденящего страха. Неудивительно, что он не узнал этого Гарсию на фотографии. На фотографиях лица людей неподвижны. У них нет тика.

Гарсия стоял рядом с Лоусоном и Чипом Осуэем, а потом обернулся, увидел Джима Нормана, растянул губы в улыбке, и его веко нервно задергалось. А в голове у Джима явственно прозвучало:

Так сколько там у тебя денег, козявка?

Че-четыре цента.

Врешь небось.

Смотри, Винни, он обоссался!

– Джим? Ты что-то сказал?

– Нет, ничего. – Но он и сам не был уверен, сказал он сейчас что-нибудь или нет. Ему стало страшно. По-настоящему страшно.

Как-то раз, в начале февраля, Джим задержался в учительской после уроков – проверял сочинения по американской литературе. Он сидел совершенно один. Был уже пятый час, а точнее – десять минут пятого, и последние преподаватели разошлись по домам еще час назад. И тут в дверь постучали.

Это был Чип Осуэй.

– Да, Чип, – сказал Джим ровным, спокойным голосом.

Чип стоял, переминаясь с ноги на ногу.

– Можете уделить мне минутку, мистер Норман? Мне нужно с вами поговорить.

– Да, конечно. Но если ты хочешь поговорить о результатах экзамена, я тебе сразу скажу…

– Нет, я совсем о другом. А тут… тут у вас можно курить?

– Кури, пожалуйста.

Когда Чип прикуривал, у него заметно дрожали руки. Он заговорил далеко не сразу. Как будто просто не мог заставить себя заговорить. Он кривил губы, сцеплял пальцы в замок, напряженно щурился, как будто какая-то сила мешала ему отыскать нужные слова, чтобы выразить то, что так отчаянно рвалось наружу.

Наконец он выпалил на одном дыхании:

– Если они сделают, что собирались, я хочу, чтобы вы знали: я в этом не участвовал! Они мне не нравятся! Они оба психи!

– Кто «они», Чип?

– Лоусон и этот урод Гарсия.

– Они что, хотят устроить мне какую-то гадость?

Джима охватил страх – тот самый, из кошмарного сна, – и Чип уже мог не отвечать на вопрос. Джим и так знал ответ.

– Сперва они мне понравились, – сказал Чип. – Мы пошли прошвырнуться по городу, завалились в бар, взяли по пиву. Я стал возмущаться, что вы завалили меня на экзамене. Что, типа, я вам такое устрою – мало не покажется. Но это я просто так говорил! Честное слово! Я не хотел ничего такого…

– И что потом?

– Они сразу же привязались к моим словам. Стали расспрашивать, когда вы уходите из школы, какая у вас машина, и все такое. Я спросил, что их так напрягает, что вы им сделали, а Гарсия сказал, что они ваши давние знакомые… Эй, вы чего? Вам плохо?

– Все нормально, – выдавил Джим через силу. – Это из-за сигаретного дыма.

Чип затушил сигарету.

– Я спросил, что значит «давние знакомые», и Боб Лоусон сказал: очень давние. Типа, когда вы познакомились, я еще писался в пеленки. Но ведь мы с ними ровесники, им тоже сейчас по семнадцать.

– А дальше?

– Ну, Гарсия перегнулся ко мне через стол и спросил, как же я собираюсь устроить вам веселуху, если я даже не знаю, когда вы уходите из школы. Спросил, что я хотел вам устроить. Я сказал: проколоть, на хрен, все шины на вашей машине. – Чип затравленно взглянул на Джима. – Но я бы не стал этого делать. Я сказал так потому…

– Потому что тебе было страшно? – тихо проговорил Джим.

– Да, мне и сейчас страшно.

– И как им понравилась твоя идея?

Чип зябко повел плечами:

– Боб Лоусон сказал: «И это все, на что ты способен, мудила ты плюшевый?» И я спросил… ну, типа, хотел показаться крутым… Я спросил: «А что бы вы ему сделали?» А Гарсия… – Чип испуганно заморгал, – он достал из кармана какую-то штуку, нажал на кнопку… Это был выкидной нож. И после этого я сбежал.

– А когда это было, Чип?

– Вчера. Мистер Норман, теперь я боюсь сидеть с ними в одном классе.

– Понятно, – проговорил Джим. – Понятно. – Он смотрел на лежавшую перед ним на столе раскрытую тетрадь с сочинением. Смотрел, но не видел.

– И что вы будете делать?

– Не знаю. Не знаю, Чип.

В понедельник утром Джим по-прежнему не знал, что делать. Сначала он хотел рассказать обо всем Салли, начиная с убийства брата в тот злополучный вечер шестнадцать лет назад. Но потом передумал. Салли, конечно, ему посочувствует, но испугается и не поверит.

Симмонс? Тоже не вариант. Завуч решит, что Джим спятил. Хотя, может, он и вправду спятил. У них в психотерапевтической группе был один человек, который однажды сравнил нервный срыв с разбитой вазой. Конечно, ее можно склеить, но она будет уже ненадежной и в общем-то бесполезной. Например, в эту вазу больше не поставишь цветы. Потому что цветам нужна вода, а вода может растворить клей.

Выходит, я сошел с ума?

Но если так, значит, и Чип Осуэй тоже сошел с ума. Эта мысль пришла к Джиму, когда он садился в машину, и он немного приободрился.

Ну конечно! Лоусон и Гарсия угрожали ему в присутствии Чипа Осуэя. Для свидетельства в суде этого, может быть, и недостаточно, но если получится уговорить Чипа, чтобы тот рассказал все Фентону, тогда этих двоих наверняка исключат из школы. А Джим практически не сомневался, что Чип согласится. У Чипа были свои причины держаться от этой парочки подальше.

Уже заруливая на стоянку у школы, Джим вдруг вспомнил о том, что случилось с Билли Стерном и Кэти Слейвин.

На свободном уроке он пошел в школьную канцелярию. Секретарша как раз составляла список отсутствующих.

– А Чип Осуэй сегодня в школе? – спросил Джим как бы между прочим.

– Чип?.. – удивленно нахмурилась секретарша.

– Чарльз Осуэй, – поправился Джим. – Чип – это прозвище.

Она быстро перебрала стопку карточек посещаемости и достала одну.

– Он сегодня отсутствует, мистер Норман.

– А вы мне не дадите его телефон?

Секретарша заложила за ухо карандаш и сказала:

– Одну секунду.

Она нашла личное дело Осуэя и передала Джиму листок с домашним адресом и телефоном. Джим решил позвонить прямо из канцелярии.

После дюжины длинных гудков он уже собрался положить трубку, но тут на том конце провода прозвучал грубый, охрипший со сна голос:

– Алло?

– Мистер Осуэй?

– Барри Осуэй умер шесть лет назад. Я Гэри Денкингер.

– Вы отчим Чипа Осуэя?

– Что он натворил?

– Прошу прощения…

– Он сбежал из дома. И мне хотелось бы знать, что он натворил.

– Насколько мне известно, ничего он не натворил. Я просто хотел с ним поговорить. Вы не знаете, где он сейчас может быть?

– Без понятия. Я работаю в ночную смену. Ни с кем из его приятелей я не знаком.

– А может, вы знаете…

– Нет. Он забрал наш старый чемодан и пятьдесят баксов, которые накопил, загоняя детали краденых автомобилей, или приторговывая травой, или что там теперь делают эти дети, чтобы разжиться деньгами. Кто его знает, что ему стукнуло в голову. Может, он решил сделаться хиппи и умотал в Сан-Франциско.

– Если он вдруг объявится, позвоните мне в школу, пожалуйста. Джим Норман, английское отделение.

– Хорошо, позвоним.

Джим положил трубку. Секретарша подняла голову и улыбнулась бесцветной дежурной улыбкой. Джим не улыбнулся в ответ.

Два дня спустя в утреннем табеле посещаемости напротив фамилии Чипа Осуэя появилась пометка «выбыл из школы». А Джим стал ждать, когда Симмонс вручит ему папку с очередным личным делом. Ждал он недолго, всего неделю.

Джим тупо разглядывал фотографию. На этот раз – никаких сомнений. Вместо короткого «ежика» – длинные волосы, но такие же светлые, как и прежде. И лицо – то же самое. Винсент Кори. Для близких друзей – просто Винни. Он смотрел с фотографии прямо на Джима, и его губы кривила наглая, издевательская усмешка.

Перед началом седьмого урока Джиму сделалось нехорошо. Он шел в класс на ватных ногах, сердце бешено колотилось в груди. Лоусон, Гарсия и Винни Кори топтались в коридоре у доски объявлений. Когда Джим подошел, все трое

расправили плечи и вскинули головы.

Винни улыбнулся своей наглой улыбочкой, но его глаза были холодны и мертвы, как две плавучие льдины.

– Вы, наверное, мистер Норман. Приветик, Норм.

Лоусон и Гарсия захихикали.

– Я мистер Норман, – сказал Джим, нарочито не обращая внимания на руку, которую Винни протянул ему для рукопожатия. – Запомнишь?

– Конечно, запомню. Как поживает ваш брат?

Джим похолодел. Он почувствовал, как по ноге потекла горячая струя, и словно откуда-то издалека, с другого конца длинного коридора где-то в глубинах его сознания, прозвучал призрачный голос: Смотри, Винни, он обоссался!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Am the Doorway. © 2011. А. Аракелов. Перевод с английского.

2

Battleground. © 2011. С. Скворцов. Перевод с английского.

3

«Morris Toy Company» – «Компания игрушек Морриса» (англ.). – Здесь и далее примеч. пер.

4

Один из крупнейших в США мостов через залив Сан-Франциско.

5

Марка часов британского производства.

6

Sometimes They Come Back. © 2011. Т. Покидаева. Перевод с английского.

Купить: https://tellnovel.com/ru/stiven-king/gazonokosilschik-sbornik-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить